

18+

ДМИТРИЙ БЕРЕЗИН

Дневник фельдшера скорой помощи

Дмитрий Березин Дневник фельдшера скорой помощи

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68070217
ISBN 9785005698735*

Аннотация

Истории со скорой помощи от лица фельдшера, непосредственного участника всех событий, описанных в книге. В книге, по большому счету, описываются истории из жизни, а не какие-либо конкретные медицинские процедуры. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Ну, здравствуй, Скорая...	5
Первый день в бригаде	15
Домашние роды с тазовым предлежанием	17
Важны ли слова благодарности?	25
Эпилептические припадки	34
Шаурма и соска-пустышка	38
Испорченный кролик и яйца	43
Баба Зоя	50
«На улице, плохо, торчат ноги из машины...»	54
История непонятной смерти	56
«Проходите собака не кусается!»	60
Вызов на психического больного	64
Как я поднялся по социальной лестнице от алкоголика до доктора	67
Вызов на повешение	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Дневник фельдшера скорой помощи

Дмитрий Березин

Все имена, фамилии, места вымышлены. Любое совпадение с реальными событиями является случайностью.

© Дмитрий Березин, 2022

ISBN 978-5-0056-9873-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ну, здравствуй, Скорая...

Работа..., работа..., опять работа. Ни выходных тебе, ни проходных! То сифилис «свиристует» на участке, то туберкулез. То алкаши передерутся, да так, что всех сначала разнимать приходится, а потом шить. То дети тяжело болеют. А ведь нет никого рядом из коллег. Ни педиатра тебе тут рядом, ни хирурга, ни инфекциониста. Но не самое трудное лечить-то эти болезни, гораздо труднее ведь с самих больных убедить в необходимости лечения. Их ведь попробуй, вывези в район на обследование и консультацию. Тут я вспомнил больного Черницына с его перековерканной жизнью. Да мне даже дрова на зиму привезли в благодарность за вытащенную стружку из глаза. Правда потом пришлось колоть эти самые дрова чуть ли не ночами, да целый месяц напролёт, потому что ни выходных, ни проходных. Но, скажу я вам, колка дров действовала на мои мысли очень хорошо – что не говори, а «смена деятельности – есть лучший отдых!». В отпуске уже три года не был. Даже отца похоронить, и то не разрешили. Сам, против воли главного врача уехал. Виданное ли это дело, не попрощаться с самым дорогим человеком, из-за работы?

Но что действительно дало мне село, так это опыт. Помнится, приехал «зеленым юнцом» в село, только-только после медучилища. Чуть только какой случай, даже простой,

да и больной не тяжелый, подумаешь бронхит, или люмбаго – так я сразу же в свои записи студенческие «бегом бежал». Инструкции от всяких препаратов хранил. Даже своего рода фармацевтический справочник сделал – разложил по файлам инструкции от препаратов по их группам и принципу действия.

Усталость, безысходность, а самое неприятное я стал чувствовать какую-то «ненужность», бессмысленность собственной жизни. Больше, чем усталость меня съедала какая-то непонятная тоска. Я все никак не мог найти объяснения этому своему чувству, этому ощущению. Вроде бы все нормально: сыт, одет-обут. Дочки в школу и детский сад ходят, дом, огород, хозяйство. Всё есть! Живи и радуйся! Но, нет. «Какое-то болото, – думал я, – «Мне здесь прекрасно... тепло и сыро!». Как в «Песне о соколе» Максима Горького. Так и с алкоголем можно в крепкие отношения вступить! Ещё главный врач поменялся, потом, через некоторое время отец умер, на похороны не отпускают... Я же человек, в конце концов. Я жить хочу! Хочу, чтоб мои дети мир увидели, раз уж мне не удалось.

...

– Что это? – Спросил главный, глядя на протянутое мной заявление об очередном отпуске.

Пробежал глазами по написанному:

– Ты в своем уме? Какой отпуск? Лето начинается, сейчас детские оздоровительные лагеря начнутся, кто там будет ра-

ботать? Никаких отпусков! – Он коротко написал на заявлении «Возражаю» и отдал его мне.

Вот на обороте этого же самого заявления о предоставлении мне отпуска, я и написал заявление на увольнение.

«Всё! Хватит!» – Сказал я сам себе и поехал устраиваться на работу в областной центр в качестве фельдшера скорой помощи. Единственный и самый горький осадок, который рвёт мне душу по сей день, это какое-то чувство предательства по отношению к больным того участка. Они же не виноваты, что меня заменить некем, а я от них уехал, бросил их, что ли...

...Город.

Шумный промышленный город-миллионник. После тихой и размеренной жизни в селе, находиться в городе мне было жутко не по себе. Шум, гам, пыль, вонь. Огромное количество машин. Все куда-то спешат, никто никого не знает. Люди не здороваются на улицах друг с другом. То ли по причине того, что не знакомы, то ли просто всем плевать друг на друга? Хотя, скорее всего, и то и другое вместе взятое.

Добрался до отдела кадров. В отделе кадров приятная женщина по имени Оксана Анатольевна предложила мне на выбор две подстанции в разных районах города. Дала мне номера телефонов заведующих, сказала звонить им и договариваться.

Я набрал первый телефонный номер.

– Алло? – Ответил мне мужской голос.

– Здравствуйте. Александр Николаевич? – спросил я.

– Да, здравствуйте.

– Я от Оксаны Анатольевны вас беспокою. Я – фельдшер, хочу устроиться к вам на подстанцию.

То ли мой голос показался ему чересчур юным, то ли просто чтобы побольше обо мне узнать, он спросил:

– У вас опыт работы есть? – Да. Я работал почти год на скорой в районной больнице, а потом три года заведовал участковой больницей.

– Очень хорошо! – Оживился он.

– Приезжайте завтра к 10.00 к нам на подстанцию на собеседование. Улица Котова, 85.

Расположения улиц города я не знал вообще, поэтому спросил:

– А на каком трамвае до вас доехать можно?

– Смотря откуда будете ехать.

– Ладно. Я найду. До завтра.

Знал ли я тогда, что всего-то через год я буду с закрытыми глазами ориентироваться не только в расположении улиц города-миллионника, но и, услышав адрес с номером квартиры, я буду со скоростью калькулятора вычислять в каком подъезде и на каком этаже находится эта квартира.

Утром следующего дня, понимая, что мне придется плутать в незнакомом городе в поисках подстанции, я выехал пораньше. По обыкновению, я нашел больницу в этом районе и думал, что тут, как и в селе, подстанция будет расположе-

на на территории больничного городка (в райцентрах обычно так бывает). Утро. Время около 7.00. Я хожу по территории больничного городка в поисках подстанции скорой помощи, или хотя бы какого-нибудь человека, чтоб спросить, где находится скорая. Нашел приемник терапии, хирургии, инфекции. Нашел пищеблок, лабораторию и даже морг. Скорой нет, хоть ты тресни! Наконец, на крыльце приемника я увидел вышедшую покурить медсестру.

– Здравствуйте! Подскажите пожалуйста, где у вас находится подстанция скорой помощи? – обратился я к ней.

– У нас нет подстанции. – Ответила женщина.

«Вот те раз!»

– Как это: «нет подстанции»? А кто вам больных привозит? – Опешил я.

– Скорая. Только они где-то в другом месте находятся... Где-то там. – женщина махнула рукой в сторону въезда в медгородок. «Ну да, скорая же через ворота въезжает, логично, что она где-то там за воротами. В другом, блин, кривоЛИНЕЙНОМ

измерении находится!» – А можно у кого-нибудь точнее узнать? – Зайдите у доктора спросите. – Ответила медсестра, бросила окурок в урну и зашла в приемник. Оказалось, что доктор, когда был студентом мединститута, работал на этой подстанции сначала санитаром, потом фельдшером. Да-да, раньше такое практиковалось, вроде после четвертого или пятого курса студент мединститута мог работать фельдше-

ром, это уже потом придумали всякие лицензии, аккредитации, сертификаты и допуски (от которых, по большому счету, и толку-то никакого). Так вот, теперь он ЛОР-врач отделения оториноларингологии. Иногда берет смены на скорой. Он мне чётко объяснил, где находится подстанция и даже нарисовал мне схематическую карту, как до нее добратся. Подстанция скорой находилась в нескольких кварталах от больницы, во дворах многоэтажек, в здании бывшего детского сада.

«Прикольно! – Подумал я. – Меньше будут дергать на всякую фигню!».

И вспомнилось мне, как работал я в отделении скорой помощи в ЦРБ. Когда приходилось то больных тяжёлых поднимать по лестнице на складных армейских носилках, потому что лифт не работает, то в терапию идти ЭКГ регистрировать, потому что в нерабочее время кардиограф был только на скорой, то буйных психических больных «ломать и вязать» (фиксировать) в палате интенсивной терапии, потому что там медсестра – девочка хрупкая, не справиться ей с внезапной белкой у мужика под сто килограммов (в смысле, мужик под сотню, а не белка, хотя...). А то и вовсе, приходилось баллоны кислородные менять в операционной, так как выходной, да и ночь к тому же. Сантехник уже спит пьяный, да еще и в соседней деревне живёт, за 47 километров от больницы, и дома-то его нет... а больной тяжёлый, его оперируют, кислород нужен, а он закончился (не больной закончил-

ся, а кислород). Да я же сам и привез этого больного-то. Ребра у него сломаны, гемопневмоторакс и перелом плеча. Ну и ЧМТ, конечно, тоже. Сено он грузил, стоя на арбе, вот его куном трактора-то по голове и стукнуло. Полетел мой больной в сторону земли уже без сознания, да только прежде, чем упасть, несколько раз ребрами об борта этой арбы и стукнулся. Выгрузил я тогда больного и сразу же поехал за кислородом на склад. И ничего. Поменял. Правда больной все равно не выжил, но мы тогда сделали все, что могли. А тут прям красота! Подстанция отдельно от больницы, больных рядом нет. Езди себе на вызовы, да в ус не дуй!»

...

Во дворе подстанции стояло несколько машин скорой помощи, на скамейке возле входа стояли люди в синих скоровских костюмах. Кто-то курил, задумчиво выпуская дым, кто-то громко рассказывал про ночные вызовы. До меня долетали обрывки фраз:

– ... наркоманы, блин!..., менты подъехали..., всех погрузили... Кому-то по яйцам пнули, он заныл: типа, как-то не «по-человечьи вы поступаете, а еще врачами называетесь...»

Нифига себе! Вести с полей!

Когда я заходил на подстанцию, то меня чуть не сбил навьюченный всякими сумками и оборудованием парень, который гремя всем этим оборудованием и семена мелкими, но быстрыми шагами вышел на улицу, загрузил все в «Со-

боль», запрыгнул в салон, уехал. Наверное, на вызов.

Заведующий Александр Николаевич (ныне, к сожалению, уже покойный) раньше был кардиологом на этой же подстанции. Заведовал он уже несколько лет, но на вызовы не ездил. На первый взгляд, он создавал впечатление крепкого хозяйственника. Был одет в джинсы и пиджак поверх рубашки.

– Надо пройти собеседование, потом сдать тесты на компьютере: сто вопросов по типу «угадайки», сдать практические навыки на центральной подстанции, у нас там учебный класс, а потом устный экзамен по билетам. Вот по результатам этого всего и будет принято решение о вашей профпригодности. – Озадачил меня заведующий.

«ОФИГЕТЬ!!! – Подумал я. – Вот это отбор! Тесты я сдал тут же на подстанции, без подготовки с результатом семьдесят семь процентов. Из ста вопросов на тринадцать ответил неправильно. Проходной балл был семьдесят пять процентов. Мне выписали направление на центральную подстанцию, и я поехал сдавать практические навыки на манекенах.

Учебный класс.

О-о! Это было шикарно. Даже во время учебы в медучилище я не видел такого количества тренажеров. Тут было всё: различные манекены, руки и ноги, головы и грудные клетки для отработки тех или иных манипуляций и процедур. Всякая аппаратура: ИВЛ и наркозная аппаратура, кардиографы и дефибрилляторы, инструменты: клинки, маски,

воздуховоды, роторасширители, коникотомы, наборы для трахеостомии, интубационные трубки, ларингеальные маски, шины для иммобилизации конечностей при переломах и много-много другого. У меня глаза разбежались: «Вот это да! Можно же прийти и отработать какие-нибудь процедуры, отточить мастерство, так сказать!»

На занятия прибыло человек двадцать. Среди них были как те, кто только устраивается, как я, так и уже работающие сотрудники, которые прибыли как раз для оттачивания своих навыков. Помимо практических занятий на манекенах, мы еще очень подробно разобрали тему: «Действия бригады скорой медицинской помощи при ЧС». Вот там-то я и узнал, что медики скорой в очаг ЧС не лезут, потому как «сначала надо спасать, а потом лечить». Зачет по практике сдал.

Следующий мой этап при трудоустройстве (и последний) заключался в сдаче устного экзамена по неотложке. Просто, как в училище, по билетам. В билете было два вопроса и ситуационная задача. Первый вопрос был про печеночную колику при желчнокаменной болезни, второй про язву прободную. Ситуационная задача описывала клинику внематочной беременности. Так уж сложилось, что все три вопроса были абдоминальной направленности. От меня лишь требовалось определиться с диагнозом, оказанием первой медицинской помощи на до госпитальном этапе и дальнейшей тактикой. Ничего сложного. Экзамен я сдал и через несколько дней я уже «вышел на линию».

Единственное что напрягало, это мысли о том, что при таком большом количестве больниц, я вообще не представлял, кого, куда и «с чем» госпитализировать в этом огромном городе.

Первый день в бригаде

Попал в линейную бригаду и, естественно, меня назначили «вторым номером». Что значит «второй номер»? Линейная бригада скорой помощи состоит из двух человек (не всегда, бывает и один – когда народа не хватает, а бывает и три – это когда студенты приходят на практику). Если бригада врачебная, то первый номер там всегда врач, а фельдшер – второй (помощник) – это логично. Если бригада фельдшерская, то один фельдшер, который более опытный – он «первый», второй фельдшер соответственно – «второй».

Первый вызов – повод «Роды»!!! Ну, думаю, здесь у меня карьера получше начинается, чем там, в ЦРБ (там первый вызов на труп был). Приехали на вызов, там женщина с животом, сумки собраны, карта беременной в руках. Поехали рожать. Привезли ее в роддом и сдали. Вот и все роды. Хотя не всегда так гладко бывает. Да уж. Тут думаю не деревня. Тут цивилизация – приехали, забрали, отвезли. Как такси.

Потом нам дали по рации вызов на приступ бронхиальной астмы, который мы благополучно купировали при помощи небулайзера.

– Опять эта Крохалёва вызывает, – недовольно проворчала фельдшер Марина, с которой меня поставили работать, – постоянно вызывает чтоб мы ее полечили...

Хроническая больная, одинокая, длительное время стра-

дающая бронхиальной астмой, вызывала каждый день. Почему к ней все не любили ездить? Она без претензий и по поводу вызывала скорую, приступы у нее купировались только ингаляционными гормонами, а позволить себе купить небулайзер она не могла. Вот такие вопросы возникали у меня в первый день работы в условиях скорой медицинской помощи города-миллионника.

Все сутки пролетели как день, вызов-вызов-вызов... медзаправка... вызов... отдых немного... вызов-вызов. Утром, после сдачи смены, в 8:01 я уже был свободен. Впереди двое суток отдыха! Когда я шел домой по городу, то меня никто не окликал и не задавал вопросы как в деревне: «А чем лечиться?», «А как лечиться?», «А от чего вот эти таблетки?» и тому подобное. Меня в городе никто не знает. Я был на суточном дежурстве, и сейчас я иду отдыхать, словно рабочий с завода...

Домашние роды с тазовым предлежанием

Наука уже давно объяснила, как внутриутробно развивается человек, как он рождается и умирает. Некоторые учёные продолжают изучение данного феномена, а в умах простых людей все равно процесс андрогенеза считается чудом, к которому уже они привыкли и не обращают особого внимания.

Когда я учился в медицинском училище на третьем курсе, то в силу обстоятельств молодости и «бесшабашности», пропустил практическое занятие по акушерству по ведению родов при тазовом предлежании плода. Так заведено, что все пропуски или «двойки» в медицинском училище должны быть закрыты. Не важно по какой причине ты отсутствовал, болел или гулял, женился или развелся, а может быть у тебя была депрессия из-за любимого кактуса, съеденного кошкой, но все пропуски должны быть сданы! Причем процедура «отработки», гораздо сложнее чем сдача зачета на уроке. Во-первых, надо выучить все, потому что преподаватель на тебя одного внимательнее слушает, чем всю группу. Во-вторых, надо найти время, как у себя, так и у преподавателя.

– Татьяна Дмитриевна, здравсте! Можно отработать пропуск по тазовому предлежанию? – обратился я к преподава-

телю по акушерству.

– А ты готов?

– Да, я читал..., – промямлил я, в надежде на «авось пронесет»?

Не пронесло. То запнулся, то не так термин произнес.

«Вот докопалась!» – думал я.

– Иди, Дима, подготовься и приходи завтра, – добродушно отвечала тогда Татьяна Дмитриевна.

И так еще восемь раз я приходил к ней за зачетом. Выучил все, отработал на манекене до мельчайших подробностей сам механизм ведения родов. На девятый раз, я получил заслуженный, выстраданный зачет по тазовому предлежанию.

Я вышел из кабинета с мыслями: «Вот все напрасно, ВСЁ ЗРЯ... Зачем мне это? Все равно я не собираюсь работать в медицине, а учусь, только потому что родителей не хочу расстраивать, они „из кожи вон лезут“, чтоб меня выучить (были нелегкие „девьяностые“). А если и буду работать в медицине, то вероятность что мне придется принимать роды с тазовым предлежанием, не то что стремится, она равна нулю, или даже меньше»

Ох, как я ошибался... Через две недели после вручения диплома, уже работал «на линии».

Прошло 9 лет. За это время я успел поработать и фельдшером в селе на скорой и заведующим сельской участковой больницей.

В то дежурство не было ничего особенного: «давление, температура, головные боли, рвота-понос» и прочие симптомы, чем славится род человеческий и от чего страдает скорая помощь. Вот интересное наблюдение: если на предстоящем вызове предстоит «веселуха», то этот вызов всегда будет по рации. Причем повод, который называет диспетчер, может совсем не соответствовать тому, что там на самом деле. Был случай давали повод «травма руки», на самом деле там нарушение мозгового кровообращения с гемипарезом. «Ну правильно, рука же не работает, значит травма!». Или повод «Травма лица», а там отек Квинке с летальным исходом.

Так было и в этот раз. Под утро.

– 517, 517, – проговорила рация в салоне.

– 517 на приеме.

– 517, для вас: Салютная 4 квартира 6. «Травма избивание»

– Принял 517, – ответил я, и полез в карман, за перчатками.

На подходе к квартире были слышны крики женщины (скорее всего в нетрезвом состоянии), громкие возгласы мужчины, но что он «возглашал» было не разобрать, да и не хотелось разбирать.

Картина предстала забавная. В квартире, где много месяцев подряд злоупотребляли алкоголем, находилось трое. Два мужика на вид 30—40 лет, и девушка, примерно 20 лет. Все нетрезвые. Девушка была небольшого роста и «в положении». Травм не было. На меня она глядела с испугом и на-

деждой.

– Я рожаю, у меня схватки! – крикнула она.

На вид, живот был совсем небольшой, недель на 26—30 (месяцев 6—7 беременности).

Всегда пользовался в таких случаях третьим акушерским приемом. Кладешь руку на низ живота беременной, и определяешь расстояние от костей таза до головки плода, это позволяет определить на каком этапе родов ребенок находится в животе.

Рука ощутила мягкий живот, и чуть выше прощупалась головка ребеночка, – «время еще есть, еще рано», – подумал я.

– Успокойтесь, до родов еще далеко. Какой у Вас срок беременности?

– Я не знаю... – сказала она и застонала.

– Как это, не знаете? На учете состояли? Когда последний раз в женской консультации были? – с раздражением спросил я.

– ...не была, ...на учет не вставала...

«Ну и ладно, отвезу ее во вторую в гинекологию, а там разберутся». – подумал я, и приступил к заполнению медицинской документации.

В квартиру ворвались два молодых милиционера.

– О! А вы зачем тут? – спросил я у них.

– Нам по рации сообщили что тут кого-то убивают...

– Неее, ребят, тут наоборот, новая жизнь начинается!

Принимайте роды!

– Не-не..., уж лучше вы. – Сказали они и быстро ретировались из квартиры

– Фамилия, имя, отчество; полных лет, адрес по прописке – начал я произносить набившую оскомину фразу и уткнулся в карту вызова.

Моя помощница, Ирина, которая до сих пор стояла молча, потянула меня за рукав: «Димаааа...» – протяжно произнесла она и показала в сторону роженицы.

На роженице были надеты «треники» грязно-оранжевого цвета, которые между ее ног начали выпячиваться и сползать...

Стянув с нее штаны, я увидел ягодички и спинку ребенка, которые вылезли уже на достаточное расстояние, но пяточки, ручки и голова были еще внутри матери....

...БАМ-БАМ-БАМ-БАМ – заколотилось в груди и висках...

– Ирка! Вторую сумку! Бегооооо!!!

Так вот почему меня подвел мой любимый третий акушерский прием. Потому что предлежание тазовое. Потому что ножки и ручки с туловищем уже были «на подходе», а я получается ощупал район шеи плода, потому и ошибся, хотя большой роли в тот момент моя ошибка не сыграла.

Ножки родились без проблем, а вот ручки и головка были еще внутри...

При ведении родов при тазовом предлежании, самое тя-

желое, это рождение головки, так как тело у плода меньше головы, и если ребенок рождается головой вперед, то, после рождения головы, тело просто выпадает. «При тазовом предлежании, у ребеночка запрокидываются ручки, тем самым препятствуя рождению головки. В таких случаях, необходимо вывести ручки – просунуть свои руки внутрь, нащупать ручки, и „умывательным движением“ вывести их наружу» – повторял я про себя (а может и вслух) заученные наизусть девять лет назад слова, выполняя эту манипуляцию.

После рождения головки меня окатило околоплодными водами. Родилась девочка.

– Уа.., уаааа... – закричала девочка после того, как перерезали пуповину.

– Ах ты, Боже ты мой! – вырвалось у меня. – Ирина, смотри какая она маленькая и хорошенькая!!!

– Э-э.., а почему он такой красный и сморщенный? – подал пьяный голос один из мужиков, который представился отцом ребенка.

– Это ОНА, дочь у тебя, – ответил я и передал девочку Ирине.

Ирина уже приготовила пеленки, и принялась пеленать малышку. Так я её и окрестил «Малышка».

Новоиспеченная мама лежала на спине, часто дышала, смотрела отсутствующим взглядом в потолок.

– Взяли покрывало, постелили на носилки..., укрыли ее одеялом..., понесли! – скомандовал я ее сожителем.

Вышли в подъезд. Ирина с ребенком, я с сумками, алкаши с мамашей на покрывале.

– «Инсулин-инсулин». Это 517. Приняли роды на дому. Все нормально, едем в ближайший роддом, – сообщил я по рации.

– 517 ..., Что? Куда? Какие роды? Какой роддом?! – недоумевала диспетчер (Конечно недоумевала, ведь отправила на «травму, избиение»).

– Сообщите в пятый роддом, возем маму и ребенка, пусть встречают, – ответил я.

...

Прошло полгода или меньше. На одном из дежурств, пришла на подстанцию какая-то женщина, представилась работницей ЗАГСа и спросила про меня.

Оказалось, что мама девочки на следующий день сбежала из роддома, оставив ребенка и не оставив о себе никаких данных. Теперь малышка находится в «доме малютки», и ее хочет удочерить бездетная пара. Но нельзя, потому что свидетельства о рождении ребенка нет. Получается, что документально моей Малышки не существует. Свидетельство о рождении выдается в ЗАГСе на основании справки из роддома, а роддом в данном случае справку не выдал, так как роды произошли вне его стен. Теперь я должен с паспортом прийти в ЗАГС, написать «объяснение-подтверждение», что действительно я принял роды тогда-то, и на основании этого «объяснения-подтверждения» Малышке выдадут свидетель-

ство о рождении.

Ну что же, конечно надо доделать начатое, раз уж, как говорится, взялся.

Надеюсь, что у Малышки все хорошо, что она у нее мама и папа, что они ее любят, и она их любит.

А вот ведь как – Не все напрасно, но многое зря...

Важны ли слова благодарности?

– Папа! Папа! Пойдем гулять!?

Дочка, которой недавно исполнилось шесть лет, забежала в комнату и с разбегу запрыгнула на меня спящего после суточного дежурства на скорой.

– Доча..., я устал, ... я сейчас... я чуть-чуть еще полежу и обязательно погуляем... Ладно?

Но «маленькая катастрофа» была неумолима. Она лезла прямо к лицу, дергала меня за руку, прижималась к щеке, запрыгивала на спину. Ничего не поделаешь, пришлось со вздохом подняться, ощутить привычную разбитость, и головную боль, от понимания механизма которой становилось противно на душе от собственного бессилия.

Шестой этаж, лифт не работает.

– А побежали по ступенькам?

И дочка весело побежала вниз по лестнице, на ходу считая ступеньки. В подъезде, на первом этаже в нашем почтовом ящике торчал уголок бумаги.

«О! Письмо! Наверное, в очередной раз какой-нибудь дядя в Америке умер и оставил мне наследство», – подумал я.

Нет, это было уведомление, что мне надо прийти в почтовое отделение за заказным письмом.

«Ну точно, дядя какой-нибудь в Америке при смерти, решил найти меня, родненького, классного такого племянни-

ка, кровинушку, оставить мне все свои сбережения».

Получив на почте заветный конверт, я, не спеша его открыл и увидел повестку в районный суд на «такое-то число, к такому-тому времени», для участия в судебном заседании в качестве «кого-то там»

...

За несколько месяцев до этого...

03:15 (едем с вызова).

– пшшш.., ппшштть... Инсулин 517.., Инсулин 517... – привычно нудно прошипела рация в автомобиле.

– Нас кличут, отвечай, – толкнул меня водитель дядя Сережа.

Не открывая глаз, я потянулся за микрофоном надоевшей «Моторолы».

– 517 на приеме...

– 517, для вас еще один «вызовок», – прогундела диспетчер, – переулочек Лобачевского 15, частный сектор, ножевое ранение, без полиции не заходить. Как приняли?

– Лобачевского 15, ножевое ранение, – повторил я и открыл глаза.

Картина ночного зимнего города, голые деревья, черный снег на обочинах, мигающие светофоры, пустые улицы...

– Шеф? Ты тоже это слышал? – спросил я у водителя дяди Сережи. Но дядя Сережа, не отвечая, уже мчал наш «Соболёк» в нужном направлении.

Сирены и мигалки не включали, так как смысла в них

на пустой дороге нет.

– Наташ, приготовь там всё, пожалуйста... – не успел я договорить помощнице.

– Уже. – ответила Наташа.

Линейная бригада скорой помощи, она же «линия» – это, своего рода универсальный солдат медицины, может ездить на какие угодно вызова. От насморка до ДТП, от непонравившегося звука и запаха кишечных газов до родов. Состоит, как правило, из двух фельдшеров: первый и второй. Первый старший в бригаде, второй помощник. При длительной совместной работе, между первым и вторым возникает какое-то необъяснимое взаимопонимание (телепатия?). Когда ты слышишь мысли напарника, а он слышит твои. И даже не с полуслова, а с «полувзгляда» понимаешь напарника, а иногда и полувзгляда не нужно.

03:20. Переулок Лобачевского

– Инсулин-инсулин, 517 на месте, милиции не наблюдаем, заходить? – спросил я в рацию.

– Заходите, опасности там нет, уже перезванивали, кричат «где вы там едете?! – сообщила диспетчер.

Визгнули тормоза «Соболька», я открыл дверь и спрыгнул на землю. Взял в руки медицинскую сумку и пошагал в сторону ворот дома. Холод и мерзлая земля под ногами мгновенно вывели из состояния полудремы.

– Наташ, держись рядом.

– Угу...

От ворот отделилась «серая масса», состоящая из смеси среднестатистического россиянина, суррогатного алкоголя и нелепого прошлого, и, пошатываясь и икая, направилась к нам навстречу. Набитые перстни на пальцах, которыми он держал «бычок», несмотря на их синий цвет, красноречиво поведали нам о его жизненном пути, начиная с «малолетки».

– ..там.., эта.., короче, она его... порезала нах.., «пёрышком в кендюхА»... Поэл, да? – и с шипением через щербинку потянул воздух.

– Давно? – ускоряя шаг бросил я через плечо и, не дожидаясь ответа, шагнул в дом.

Пары перегара, потных тел, прокуренных вещей и еще какой-то кислятины привычно ударили в нос. Но был еще и специфический запах. Запах человеческой крови. Его я никогда не забуду и не перепутаю с другими запахами.

Взору предстала типичная картина «синявской хаты», пустые бутылки, засаленные занавески, истоптанный пол, какая-то еда в грязных тарелках на стол

В зале было шумно... Было 4—5 пьяных человек, что-то кричали, матерились и курили. У стены, туловищем на диване на животе, голова повернута на бок лежал довольно крупный мужчина лет пятидесяти на вид. Коленями на полу.

«Остекленевший взгляд» не сулил ничего хорошего, как и все остальное. Левая рука безжизненно висела с дивана, правая была под собой, левая штанина пропитана темной кровью, которая медленно текла по грязному полу. Грудная

клетка слегка поднималась, слышно было слабое хрипение.

«...дышит..., часто дышит, ...неглубоко дышит, ...блин...». В такие моменты отключаешь восприятие остального мира, в голове четко срабатывают все алгоритмы оказания неотложной медицинской помощи, и, самое интересное, куда-то уходят сон, усталость, боль, недомогание (правда потом возвращаются в гораздо большем объеме).

– Наташ, собирай!

Наташа уже во всю «орудовала» в сумке, собирая «капельницу». Стащив мужика на пол, я закинул его ноги на диван, схватил тонометр чтобы измерять артериальное давление, попутно задирав на нем свитер, для того, чтобы осмотреть рану.

Ранка находилась в левом подреберье и на вид была вообще безобидная – примерно два сантиметра в длину и пол сантиметра в ширину. Кровь из нее уже не текла, но вот живот..., живот на ощупь напоминал мешок, наполненный крупой, такой же вздутый. плотный.

«...в живот натекло, ...много натекло..., блин».

Шум, который был в комнате, стих от вставленного в уши стетоскопа. Пять-шесть раз качнув грушу тонометра, я остановил стрелку на отметке 150, начал стравливать воздух, пытаясь услышать тоны сердца.

140... 130...120... – тишина, 110...100...90...80..– тишина.

70...

На отметке 60 стрелочка тонометра дернулась, где-то далеко-далеко слышалось быстрое и еле слышимое: «тук-тук-тук-тук-тук...», как будто сердце в небытие увлекали неведомые силы, а оно кричало, взывало о помощи, но его никто не слышал. И только сейчас, когда оно уже далеко и ослаблено до изнеможения, его, наконец-то, услышали. Между миром, в котором находилось оно и этим миром был я.

Левое легкое не прослушивалось. – «...похоже и диафрагму проткнула..., гемопневмоторакс...».

– «Шестьдесят на ноль», Наташ, льём!

«Виновница торжества» – женщина лет 40—45 сидела на табуретке в сторонке, курила и, с безразличным выражением пропитого лица, повторяла:

– Я его порезала..., вон тем ножом..., вон он лежит..., нож.

Кухонный нож с деревянной ручкой и лезвием длиной около тринадцати сантиметров лежал на столе.

Загремели в дверях приехавшие милиционеры (тогда еще была милиция), шум усилился, дальше все по накатанному сценарию: носилки, капельницы, бряканье дверей «Соболька», приемный покой, «сопроводилровка», санобработка автомобиля, пару вызовов на «всякую фигню», и... Здравствуй Утро! Как же я скучал по тебе!

Пару раз за месяц приезжали следователи, что-то спрашивали по этому случаю и, постепенно, моя память избавила

меня от этого воспоминания.

А вот наш доблестный суд напомнил. Аж через полгода.

...

В «кислом расположении духа» я прибыл в зал судебных заседаний.

На скамье в зале заседаний сидела пара: потерпевший и его пассия, порезавшая его кухонным ножом с деревянной ручкой. Рядышком, как ни в чем не бывало. Судья, как и положено, за столом, адвокат и прокурор друг против друга.

Началось заседание. Первым вопросы мне задавал прокурор.

– Вы тот-то, такой-то?

– Да.

– Расскажите, что тогда было. Где лежал нож, где сидела обвиняемая? Что она говорила?

Отвечаю на вопросы.

– Спасибо. – Сказал прокурор и обратился уже к судье. – Ваша честь, у меня больше нет вопросов.

Дальше пришла очередь задавать вопросы адвокату. Он меня немного рассмешил и удивил одновременно.

– Скажите, а почему вы, вместо того чтобы оказывать помощь потерпевшему, смотрели где сидит обвиняемая, что она говорит, где лежит нож.... Разве Вы не должны оказывать помощь в таких случаях? Зачем Вы смотрите по сторонам, вместо выполнения своих обязанностей?

– ...э-э, не понял?! -спросил я.

Он повторил тоже самое.

Ага, понятно. Я тут лишний человек, они между собой (прокурор с адвокатом) как кошка с собакой, а я, значит, повод, чтоб было на фоне чего строить свои доводы и протесты. Ну держись!

– Я отвечал по существу заданных мне вопросов, а что касается моей профессиональной деятельности, то вот результат, – махнув рукой в сторону потерпевшего, сухо ответил я.

Адвокат, сделав вид, что меня не услышал, снова спрашивает тоже самое, только с некоторым усилившимся раздражением в голосе. Я уже выставил ему диагноз ДЭП II ст. (дисциркуляторная энцефалопатия 2 степени – это, простым языком, снижение снабжения мозга кровью на фоне возраста, алкоголизма, нездорового образа жизни и т.д., вследствие чего снижаются умственные способности)

– Ваша Честь, – обратился я к судье, – я считаю, что вполне корректно и полностью ответил представителю защиты на поставленный вопрос, и не вижу смысла повторять свой ответ.

Судья, седой дедушка, потрясывая какой-то книгой, промыл «мозги адвокату», у которого сразу же появилось доброжелательное выражение лица, уважение ко всем медицинским работникам и пропали все вопросы.

– У кого-нибудь из присутствующих еще есть вопросы? – спросил судья.

Пауза.

– Ничего не хотите сказать доктору? – обратился он к потерпевшему.

– Нет. Да я его и не помню... – ответил потерпевший (наш пациент).

...

Из суда я выходил и думал: «Расстроился ли я, от того, что пациент не сказал мне: «Спасибо»? Наверное, нет. Даже сейчас, по прошествии стольких лет, я считаю, что не нуждаюсь я в неискренних словах благодарности, не нужны они. Да и искренние слова тоже как-то не особо нужны что ли...

Делать то, что любишь, или еще лучше – любить то, что делаешь, осознание своей нужности, необходимости – вот она лучшая благодарность...

А еще дома меня ждет дочка!

Эпилептические припадки

Сами эпилептические приступы весьма страшно выглядят для неподготовленной публики. Ну в самом деле мало приятного, когда на фоне относительного здоровья, человек внезапно теряет сознание, падает, может присутствовать дикий крик, рык, мычание (судороги дыхательной мускулатуры грудной клетки и спазм голосовой щели), судороги конечностей, прикус языка (не всегда), пена изо рта, иногда кровавая. А также, из-за недостатка кислорода, человек синееет и кажется, что он вот-вот умрет. Действительно жуткое зрелище.

Повод к вызову: «без сознания, судороги...»

Вечер, зима, промозглость. Обычная квартира-хрущевка. Когда мы зашли, то нашему взору предстала следующая картина: на полу в зале «лицом к потолку» лежит мужчина, руки и ноги которого со всей силой прижимают к полу четверо других мужчин. Все молодые крепкие кавказцы.

«Прижимаемый» периодически поднимает голову и произносит что-то на своем языке «прижимающим», они ему весьма резко что-то отвечают. Из обрывков фраз начинаю понимать, что у мужика был эпилептический приступ (впервые или нет, неизвестно). Его близкие подхватили и зафиксировали (все правильно сделали). Но пока мы ехали, приступ закончился, и больной уже настолько пришел в себя, что просит его отпустить. А вот «прижимающие» думали, что приступ про-

должается и попытки больного «встать и пойти» считали за его неадекватное поведение. Кое-как удалось их убедить отпустить больного... Как только они его отпустили, больной бросился на них с грозными ругательствами и кулаками. Те снова его прижали... Кричат мне: «Сделайте что-нибудь, что Вы стоите?!».

Выглядело забавно. Несколько минут «переговоров» все-таки примирили «враждующие стороны», но злобные взгляды и возгласы продолжались. Только после всего вышеизложенного мне удалось приступить к обследованию и опросу больного. Сделали магнезию по вене и, если честно, то не помню: увёз ли я его в стационар или нет.

Случай второй.

Приехали на вызов по поводу головной боли. По факту – плохо после запоя. Самая подозрительная и ненадежная категория пациентов, так как на фоне алкогольного опьянения или интоксикации, можно просмотреть какую-то более серьезную патологию (призываю всех более внимательно относиться к «похмельным состояниям», особенно после длительных запоев – очень много смертей при подобных явлениях). Опросили, осмотрели, «протянули плёнку» (сняли ЭКГ – прим.), дали таблетку от повышенного «давления». Усадили на диван. Сижу, не спеша заполняю карту вызова, опрашиваю больного (ФИО, возраст, прописка и т.д.). Он отвечает адекватно, затем слышу резкое и громкое: «МУ-У-УУ-УЭЭ-ЭЭЭ-Э – ...". Поднимаю глаза одновременно с ру-

ками и подхватываю уже выгибающегося больного подмыш-ки, аккуратно укладывая на диван. Приступ продолжался недолго (15—20 секунд). Укололи магниезией, предложили госпитализацию, отвезли в приемный покой.

Эпистатус – затянувшийся эпилептический приступ (от нескольких минут до нескольких дней, вплоть до летального исхода). Очень плохое состояние. Обязательна госпитализация в специализированный стационар (реанимацию).

Свидетелем этого случая мне пришлось быть еще на заре моей медицинской деятельности. Тоже связана с запоем.

В возрасте 22-х лет мне пришлось заведовать участковой больницей в селе. Прибежали в кабинет приема родственники одного запойного, наперебой кричат, шумят, просят помочь. Со слов, около 20 минут назад Валерка упал, потерял сознание и дергается. В сознание не приходит, водой поливали, по щекам хлопали, нашатырь дышать давали.

На месте действительно обнаруживаю больного в судорогах, кое-как закрепляем его руку, внутривенно магниезия – судороги продолжают, сибазон – судороги не проходят. Плохо дело, везем в районную больницу за 35 километров на мотоцикле Иж Юпитер-4, где вместо коляски щит из досок для перевозки сена.

На протяжении всей дороги судороги не прекращались. Ладно хоть «давление держал». По приезду в район, его сразу в реанимацию, и только после внутривенного ГОМКа (гамма-оксимасляная кислота, она же оксибутират натрия,

она же по-наркомански «бутират») судороги прекратились. Через три дня больной сбежал из отделения. А через полгода зимой, он, переезжая на тракторе озеро по льду, провалился под лед и утонул. Судьба...

Что же делать, если Вы стали очевидцем эпилептического приступа?

1. Постарайтесь поймать (подхватить) больного, чтобы он, падая, не ударился головой или не сломал себе чего-нибудь

ВЫЗВАТЬ СКОРУЮ ПОМОЩЬ

Пока едет скорая

2. Уложите больного на бок, обязательно повернув голову в сторону – для того, чтобы пена вытекала наружу, а не в легкие.

3. Не лезьте больному в рот ничем (сделаете только хуже). Всё всегда пытаются залезть в рот ложкой, для того, чтобы разжать челюсти. Он не задохнется и язык не проглотит – сколько сталкивался с эпилептическими приступами – ни разу не видел подобного (откуда берется такое мнение?).

4. Передать больного в руки скорой помощи.

Шаурма и соска-пустышка

Возле одного города N на Урале есть железнодорожная станция «Межозерная». Территориально эта станция относилась к вышеупомянутому городу N.

Жила там семья. Муж, жена и двое детей: шесть лет и грудничок.

Однажды в выходные они выбрались в город, погуляли по парку, покатались на каруселях-аттракционах, и покушали в парке эту злосчастную шаурму (как они мне потом признались).

Вернулись вечером домой последней маршруткой. К ночи началось.

...

02:55. Примерно после 16-го вызова за сутки.

Гудит печка в «Собольке», город пустой, мигают светофоры желтым светом, как бы удивляясь, что кто-то не спит, а катается по городу. Привычно болит голова, ломота в теле и закрыты глаза. Мысли смешались от прожитого дня, увиденного, услышанного и сделанного.

...пшшш... – зашипела рация на торпеде. – «Пять семнадцать, пять семнадцать?»»

– ...блиииин! – одновременно подумали мы с водителем и вторым фельдшером, а может быть и произнесли вслух.

– 517 на приеме.

– 517 для вас еще один «вызовок». станция «Межозерная» дом семь. Отравление пищевое. Как приняли?

– Станция «Межозерная» дом семь. Отравление пищевое. – повторил я и повесил рацию.

– «Кому не спится в ночь глухую?

Водителю, фельдшеру и... пациенту»

Прочитировал я знаменитый скоровский стишок.

«– Ну да», – сказал водитель дядя Сережа, – до туда 20 километров в одну сторону, плюс дорога плохая...

Я ничего не сказал. Напротив, я даже немного обрадовался далекому вызову (хоть и в машине, но можно проехаться с закрытыми глазами, а может и подремать чуток).

03:15 станция «Межозерная», дом семь.

Свет во всех окнах дома подсказывал, что нас тут ждут. Собака во дворе залаяла в закрытой будке, двор освещался лампой ДРЛ (тогда еще светодиоды только начинали свое поступление на рынок).

– Здравствуйте, что случилось? – как обычно спросил я.

Бледная, как смерть женщина, возраста примерно 30-ти лет, держала на руках ребенка 7—8 месяцев от рождения.

– Да вот... отравились, Всей семьей отравились.

– Чем?

– Наверное шаурмой...

В туалете сработал слив, а в ванной слышались звуки рвоты. Запах в квартире стоял соответствующий. Из туалета вышел отец семейства, быстро произнес: «здравствуйте»,

сделал страдальческое выражение лица, схватился за живот и снова скрылся в туалете. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять, что дело плохо.

Из ванной вышел старший сын, бледный и вялый.

Ребенок на руках матери не плакал, был бледен, щечки «запали». Судя по одежде – мальчик.

Вот такая картина предстала предо мной в течение одной минуты от момента, когда я перешагнул порог квартиры.

Именно малыш обеспокоил меня больше всех из них, потому что при пищевых отравлениях, когда присутствуют рвота, понос и повышение температуры – всегда возникает обезвоживание, и, если взрослый ещё как-то может попить хотя бы воды, то дети, особенно маленькие, целиком зависят от грамотности и поведения родителей.

– Ребенка грудью кормите?

– Нет. Искусственник. Я ему соску облизнула, по привычке...

– Ууу-ууы-ы-ы!... – В голос от услышанного взвыл я. – Ну как так-то, а?!

Когда я учился в училище, преподаватель по «Инфекции» очень часто повторял: " ВО РТУ МИКРОБОВ БОЛЬШЕ ЧЕМ В ЗАДНИЦЕ! ЗАПОМНИТЕ ЭТО РАЗ И НАВСЕГДА! »

Отец семейства, несколько раз выходил из туалета, и очень резко туда влетал через несколько минут. С матерью они чередовались и уже не стеснялись воспроизводимых

ими характерных утробных звуков. У старшего сына пару раз возникали позывы рвоты.

«Мдаааа... Делааааа..» – подумал я.– Дома я их точно не оставлю.

После всех возможных опросов и обследований, которые возможны в условиях скорой медицинской помощи фельдшерской бригадой был выставлен диагноз: Пищевая токсикоинфекция. Дизентерия?

Малышу поставили капельницу. (Как же это всё-таки трудно – детям причинять боль, даже во благо. В душе прямо скрежет и комок в горле, хотя уровню цинизма работника скорой можно позавидовать. Но вот что по мне, то детям «ставить уколы» – до сих пор испытываю горе).

– Собирайтесь, поехали. – сказал я, уже набившую оскомину фразу.

– А куда?

– А в больницу. – ответил я в тон вопросу, а сам подумал: ведь они все в разные больницы подлежат госпитализации.

Ну, маму с младенцем, конечно, вместе «положат», батю во взрослую инфекцию, а вот пацана, скорее всего, одного в детскую.

Так и вышло.

Дядя Серёжа, всю жизнь проработавший водителем на скорой, от предложенного маршрута ночью по всему городу впал в депрессию, и не разговаривал ни с кем до конца смены.

Вернулись мы на подстанцию около 7 утра. И около часа я писал ещё карточки на четверых пациентов.

Вот такая вот шаурма.

Испорченный кролик и яйца

Было это в 2007 году. Лето. Жара. Только заступил на смену, получил «сумки» и Газель. Диспетчер огорошила тем, что в день я буду дежурить один (некомплект, народу не хватает), сказав, что вечером придет в помощь студент (ка) из мединститута, а днём будут лёгкие вызова давать, чтоб попроще было.

Ну ладно, что уж поделать, бывает и хуже.

Первый вызов поступил сразу же после «пересменки». Отравление пищевое. Комсомольский проспект.

Блин, район ещё не наш.

Едем.

Дверь открыл мужик 30—35 лет. Казалось, что он сделан из белой восковой свечи, да ещё и с трагическим выражением лица.

– Здравствуйте. Что случилось?

– Здравствуйте. Я работаю оператором на АЗС. Сутки через трое. Завтра у меня смена, а я понос «остановить» не могу уже третий день. (Обожаю слушать истории пациентов, которые не связаны с их здоровьем!)

– Чем отравились?

– Три дня назад пошел на смену (была пятница), взял с собой запечённого кролика. Как пришел на работу, положил его на подоконник, и как начал работать, что даже не обедал,

пятница же, народ на озёра поехал... Вспомнил про кролика что только в 9 вечера. А кушать-то хочется. Когда я открыл контейнер с кроликом, то мне вроде показалось что он «с запашком», но на вкус вроде нормальный. Я его съел. Не наелся. Позвонил другу, он мне привез сырых куриных яиц. Варить мне их на работе негде, и я их сырыми выпил. Тем более я люблю сырые яйца...

Всю эту историю я слушал как журналист на Нюрнбергском процессе, где рассказывали о преступлениях против народа. Так же и я слушал с замиранием сердца о преступлениях этого человека против своего организма.

Измеряю А/Д – 80/40, пульс частый, слабый. Инфекционно-токсический шок легкой степени. Не смотря на «легкую степень» довольно-таки грозное состояние. (Как он вообще смог встать и мне дверь открыть?). При пальпации живота, прощупывался матрас кровати, на котором он лежал (шутка).

Ну что ж? Надо «капать», даже «лить» (быстро вводить внутривенно большой объем растворов), надо гормоны, надо поднимать А/Д до транспортного (90/60), и везти в инфекцию.

– Сейчас «прокапаемся» и поедem в больницу.

Мужик посмотрел на меня как на врага:

– Не поеду! Может укол какой-нибудь поставишь, или таблеток выпишешь, мне же завтра на работу!

– Тебе завтра в морг, если сегодня не в больницу. – Пере-

шел я на «ты».

– Не поеду, давай расписку напишу...

Вот почему всегда так? Какой-нибудь пациент, не нуждающийся в госпитализации, всегда просится в больницу. А как какие-то острые состояния, особенно у мужчин, всегда категорически отказываются. Будь то острый инфаркт миокарда, желудочно-кишечное кровотечение или перелом ребер. И так всегда. Можно конечно взять расписку, прикрыть свою «пятую точку» и Бог с ним.

Но тут меня, как говорится, «понесло»:

– Во-первых, эта твоя расписка мне не нужна, потому что никакой роли она не сыграет. Уже проходили такое. Во-вторых, я уеду, а ты останешься. Вечером придёт жена, увидит тебя «тяжеленного», снова вызовет скорую. **ДЛЯ ТЕБЯ... СНОВА... ВЫЗОВЕТ... СКОРУЮ! ...ПОНИМАЕШЬ? Где-то МЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НУЖНЫ. Может где-нибудь РЕБЕНОК УМИРАЕТ, может ДТП или пожар, где МЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НУЖНЫ, а НАС там НЕТ!!!... А знаешь ПОЧЕМУ НАС ТАМ НЕТ?! – с каждым словом повышая голос говорил я.**

– ...?.

– Потому что **МЫ**, уже который раз, **УГОВАРИВАЕМ** очередного «кроликопожирателя» ехать в больницу. Ты что ли не видишь, что я **ОДИН ПРИЕХАЛ**? Тебе неинтересно, **ПОЧЕМУ** я **ОДИН ПРИЕХАЛ**? (хорошо хоть приехал. Сейчас, во время пандемии, не дожدهшься). Да потому что

народа не хватает на скорой

Видимо «достучался» я до его обезвоженной души и мозга. Мужик замолчал, и только кивками головой соглашался на манипуляции.

«Пролил» я ему тогда в общей сложности около полутора-двух литров солей, глюкоз и ГЭКа (Гидроксиэтилкрахмал). Сложность заключалась в том, что больного, во время капельницы, «приспичивало на «белый камень по-большому». Ну не отцеплять же капельницу, в конце концов?

Тогда, не отцепляя капельницы мы подходили к туалету, он усаживался на «белый камень», прикрывал дверь, а я стоял за дверью, придерживая банку с раствором в руках. И так три раза.

Видимо, как начала появляться жидкость в организме, так и возникли позывы в туалет.

Дальше началось самое интересное.

Не отключая капельницы, мы вышли в подъезд и дошли до машины.

– Инсулин-инсулин, это 5—17. У нас «кишечная», прописка Комсомольский, куда везти? – Спросил я по рации.

– 517 «восьмерка» сегодня закрыта, везите в «семерку», она сегодня дежурная. (Это означало что ГКБ №8 закрыта, надо везти в ГКБ №7- а это дальше и по пробкам)

Время 9.30 утра. Жара. Пробки в городе.

И вот по пробкам, в жаре мы поползли в сторону «семерки».

Отъехали метров триста от дома, мужик начал ёрзать на кресле – снова «приспичило».

– Теперь крепись как хочешь. – сказал я ему.

Но мужика уже подкидывало от «давления на клапан».

– Давайте быстрее, а? А то днище выбьет, отвечаю!

– Ты видишь – пробка.

Через две-три минуты, мужик уже метался по салону, стучал в перегородку водителю и орал:

– Гониии! Срать хочуюууу!!

– Врубай «дискотеку» и по «встречке» (это значит включить сирену с мигалками и двигаться по встречной полосе), а то действительно придется машину отмывать. Я не шучу. – Сказал я водителю.

Водитель, «врубил дискотеку», и мы поехали чуть-чуть побыстрее, так как пробка была в обе стороны. От этого легче бедному пациенту не становилось. Не доезжая пары километров до больницы, он проорал «СТООООЙ!» и стал снимать с себя штаны, с явным намерением опорожнить свой кишечник прямо в салоне.

– Стой, пусть на улице гадит, если уж на то пошло.

Скорая остановилась в метрах двадцати от трамвайной остановки. Мужик выскочил из машины, я следом, удерживая капельницу в руке. На остановке стояло пять-шесть человек, смотрели в нашу сторону. Скорая с открытой дверью, мигалки включены.

Пациент, быстро стянув штаны до колен, уселся прямо

на обочине выделять остатки кролика. Выдохнув с облегчением, с эйфорией прикрыл глаза. Треск, воспроизводимый им, был однозначно слышен на остановке, несмотря на шум города.

Сделав свое дело, он снова забрался в машину, я, кивнув и улыбнувшись людям на остановке, залез следом. Включилась сирена, и мы поехали дальше.

Теперь представьте себя на месте человека, ждущего трамвай.

Пролетает скорая с сиреной, останавливается, из нее выскакивает мужик и доктор с капельницей, «гадят» на обочине, забираются обратно, врубают сирену и уезжают...

Хорошо хоть в 2007 году не было такого повального увлечения все снимать на телефон, и камер на дорогах не было. А то интернет бы «гремел»!

По приезду в приемник, мужика снова «приспичило», он метнулся в сторону туалета. Занято. Не долго думая, он выдергивает дверь, ломая внутренний шпингалет. На унитазах, «в позе орла» сидит другой мужик (седла на унитазах не бывает в больничных туалетах). Мой пациент, хватая сидящего за плечи, выкидывает его в коридор и блаженно усаживается на унитаз, несмотря на отсутствие седла. Терять уже нечего...

Выкинутый из туалета, в шоке натягивает на себя штаны лежа на полу.

Перенервничал я тогда. Это уже потом, вспоминая и рас-

сказывая эту историю я смеялся, а на вызове не до смеха было.

Ну ладно. Главное, что все хорошо закончилось, и салон мыть не пришлось.

Баба Зоя

Работал я некоторое время вторым номером во врачебной бригаде. То есть помощником врача. А врачом была Зоя Дмитриевна. Врач с колоссальным медицинским стажем. Последние 10 лет на скорой. Говорят, до скорой она работала в поликлинике кардиологом и «заведовала» выдачей листков нетрудоспособности медицинским работникам. Уровню её сдержанности, воспитанности и интеллигентности можно было позавидовать. Но в то же время она была строгой и не терпела возражений. Врач она очень умный. За глаза мы беззлобно называли её «баба Зоя»

Вот несколько курьёзных случаев, свидетелем которых мне пришлось стать, работая с ней.

Случай первый

Октябрь. Время около 22.00. Темно. Повод к вызову: «травма, избиеение». Едем. На месте видим такую картину: окраина города, промзона, через дорогу от завода заросли каких-то кустов, в которых ещё происходит «травма, избиеение». Около кустов стоит милицейский УАЗик, освещающая синими мигалками местность вокруг. Милиционеры стоят возле УАЗика и курят, ожидая, когда уже «травмирующиеся и избиваемые» определятся кто там пострадавший. В кусты не пробраться.

Доктор, схватив сумку пытается пробиться в кусты для

оказания помощи «раненому». Когда ей этого не удастся, то она говорит строго, но вежливо в сторону кустов:

– Раненый!..., Выходите!

Полицейский, который курил возле УАЗика подавился сигаретным дымом от смеха. Через некоторое время из кустов всё-таки удалось вытащить двух маргиналов. Один из них более раненый чем второй. Второго милиция забрала себе в бобик, а мы забрали первого и повезли его в НХО (Нейрохирургическое отделение). На лице «раненого» яркая гематома закрывала половину лица. Открытый глаз сверкал яростью и злобой.

Когда пыл боя у пациента затих он, как бы изрекая мысль вслух, произнес:

– Хреново белый свет одним глазом созерцать...

В общем два алкаша, с вечера засели в кустах побухать и, как это часто бывает, что-то не поделили «по синьке».

Случай второй.

Приехали к бабушке на вызов. Бабушка, несмотря на боли в сердце, с порога начала бабе Зое высказывать «теорию о преимуществах нетрадиционного лечения ИБС перед традиционной медициной на примере синергии бессмертника тысячелистного и кровохлёбки бело-розовой». Стало ясно, что у бабули «ЗОЖ головного мозга».

Этот поток информации Зоя Дмитриевна, указав пальцем на бабушку, прервала фразой:

– Ты бабушка, а я, – указала она на себя, – ВРАЧ!

После этого бабушка сидела молча.

Случай третий.

Девочка 13 лет повздорила с папой по поводу нежелания заниматься каратэ, как того хотел отец. В результате ссоры с отцом у девочки случилась истерика. Мама вызвала скорую. Приехали мы. Всё оказалось нормально, всех успокоили. Мама девочки попросила оставить какую-нибудь письменную рекомендацию для папы о том, что дочке противопоказано нервничать и, уж тем более, заниматься каратэ. На что баба Зоя оставила амбулаторку с надписью:

ПАПА! ВЫ ДУРАК!

и подпись:

вр. Баба Зоя)))

Довольно часто приходилось читать забавные моменты в картах вызова, которые она писала.

«..говорит, что не пил, но по глазам видно, что алкаш и врёт...»

После вызова на передозировку наркотиками:

«...на подобный вызов в этот подъезд едем уже не в первый раз, похоже, что где-то поблизости продают наркотики. Надо разобраться...»

Но это всё веселые моменты.

Теперь о серьезном.

Однажды приехали тоже к бабушке, которая жаловалась на боли в сердце:

– Ой, в груди печёт и отдаёт под лопатку, а не было так

никогда.

Снимаем ЭКГ – норма.

Тогда доктор поворачивается ко мне и говорит:

– Однажды, когда я еще была молодой и работала в поликлинике, ко мне пришла вот такая же бабушка с такими же жалобами. У нее тоже норма на ЭКГ была. После приема нитроглицерина под язык боли у нее уменьшились, и я отправила ее в лабораторию. Выйдя за дверь, бабушка упала. Слава Богу все вовремя среагировали, подключились и увезли в стационар, где уже всю нарисовался трансмуральный инфаркт... Давай, Дима, «протяни еще раз плёнку».

Повторно снимаю ЭКГ, а там – инфаркт!

– Ну вот! Работаем! – Сказала баба Зоя. Протянула мне ампулу с морфином, а сама стала собирать систему.

«На улице, плохо, торчат ноги из машины...»

Вечерело. Снегопад уже прекратился. Вызова сыпались один за другим. Мы ездили, не заезжая на подстанцию.

– Пять-семнадцать, пять-семнадцать? – надоедливо во-просила радиостанция, – для вас вызов: перекресток про-спекта Ленина и Рождественского – мужчина в автомобиле «Волга». Из двери торчат ноги...

– Торчащие ноги на перекрестке. – Ответил я, и прицепил микрофон «радейки» на торпеду.

– Врубай дискотеку, поехали, а то сейчас, скорее всего, там уже толпа любопытных с телефонами собралась и него-дует: «Где эта СКОРАЯ? ГДЕ ОНИ ЕЗДЯТ? ЗА ЧТО ТОЛЬ-КО ДЕНЬГИ ПОЛУЧАЮТ? ПОУВОЛЬНЯТЬ ИХ ВСЕХ и т. д. и т.п.»

Водитель дядя Серёжа уже мчал наш Соболёк по трамвай-ным путям, объезжая пробку.

Мигалки милицейского УАЗика мы увидели, ещё не дое-хав до места.

– Ну надо же! Раньше нас приехали! – сказал дядя Серёжа.

Около УАЗика стояло два милиционера и мужик. У всех какие-то глупые улыбки на лицах. Увидев нас, служители правопорядка замахали руками, показывая, что наша по-

мощь тут не нужна.

Подъезжаем все равно, надо же узнать, что случилось.

– Здравствуйте! Что случилось?

Мужик абсолютно трезвый, прилично одетый с виноватым взглядом сказал:

– Да вот..., ехал я ехал в пробке: газ-тормоз-сцепление,..газ-тормоз-сцепление... Ну и выскочил у меня шток толкателя сцепления (который толкает поршень гидравлического цилиндра) прямо на перекрестке, ...всё..., машина дальше не едет...

Ну я и полез его на место ставить, а туда (в педальный узел) иначе как с торчащими ногами из машины не подлезть... Я никого не вызывал...

– Давайте хоть машину откатим к обочине, – предложил дядя Серёжа.

– Инсулин-инсулин, – сказал я в «радейку», – наша помощь не нужна. Тут машина сломалась, мужик её просто ремонтировал в интересной позе, вот и всё. Пять-семнадцать свободны.

« – Пять-семнадцать, вызывающий проезжал мимо на маршрутке, увидел ноги из машины, вызвал», – сказала диспетчер.

« – Привет ему передавайте», – сказал дядя Серёжа. – А как всё-таки здорово делать добро, только чужими руками, да?

Было бы смешно, если б не было так грустно.

История непонятной смерти

Дежурство выпало на пятницу. Ничем от других дежурств не отличалось: «температура», «давление», «рвота-понос», «плохо на улице» и головокружение.

Причин для головокружений уйма: может быть просто резко встал, не позавтракал, неудачно повернул голову, может быть заболевание крови, или внутреннее (или наружное) кровотечение. А может быть и неврологическая патология.

Поэтому приезжая на вызов, где доминируют жалобы на головокружение, приходится выявлять все возможные причины этого самого головокружения. Возможности диагностической базы линейной бригады скорой помощи весьма ограничены, поэтому при диагностике, основной упор делается на тщательный сбор анамнеза (это не только на скорой), осмотра и применение диагностических инструментов, имеющихся в наличии (термометр, тонометр, глюкометр, пульсоксиметр и ЭКГ – вот и всё).

18:44 Вызов. Женщина 51 год. Головокружение.

Обычная квартира-хрущевка. Обычная женщина встретила нас (дверь открыла сама). На лице – беспокойство.

– Здравствуйте! Что случилось? – в «тысячупятисотый» раз сказал я.

– Здравствуйте. Да, вот, голова кружится полдня. Еще на работе началось головокружение, и до сих пор не прохо-

дит... – ответила мне женщина.

Осмотрев её, я не увидел ничего, что намекало бы на какую-то серьезную патологию. Давление, температура, сахар, сатурация и ЭКГ были в норме. В анамнезе ни кровотечений, ни анемии не было, стрессы и травмы категорически отрицала. Неврологически – только пошатывание в позе Ромберга.

Но что-то не давало мне покоя. Какое-то сомнение беспокоило. Как-будто кто-то шептал мне прямо в ухо: «Отвези, отвези, отвези...» – имея ввиду госпитализацию в неврологию с целью дообследования.

«Ну что ж? Раз уж засомневался, то все сомнения в пользу госпитализации», – подумал я и сказал:

– Давайте доедем до неврологии? Надо более тщательное обследование провести.

Женщина посмотрела на меня еще более тревожным взглядом, подозревая, что я недоговариваю о чем-то страшном.

– У меня что-то серьезное?

– Думаю, что надо сделать КТ, чтобы успокоиться полностью, либо, на основании обследования, назначить адекватное и своевременное лечение. Если ничего страшного, и Вас не «положат», то приедете домой на трамвае или такси. Еще не поздно, трамваи ходят, – ответил я. – Возьмите с собой «паспорт-полис».

Женщина стала собираться. Я сел в прихожей, начал заполнять карту вызова и «сопроводиловку» (направление

на госпитализацию), краем глаза поглядывая на собирающуюся пациентку.

Мысли в голове: «Да нет тут ничего такого серьезного – вон как ходит, собирается ехать, и не шатает её совсем, и обуться наклонилась почти без проблем», а голос в ухо шептал: «отвези! отвези! отвези!».

Приехали в приемное нейрососудистого отделения, написал я тогда диагноз: «Ишемия в ВББ» и уехал на другие вызова, думая, что эта моя попытка госпитализации – 100% «отказ».

Утром, сдавая карты вызовов, где-то за час до пересменки, я подошел к диспетчеру подстанции.

– Галина Петровна, как там женщина, которую я в нейрососудистое отвез? Положили или домой отправили?

– Умерла...

– Как? Там же ничего вроде бы не было? – ошалел я.

– Представь себе, её обследовали в приемнике, ничего не нашли. Отправили домой. Она до остановки трамвайной дошла и упала. «Ремки» с восьмой подстанции ездили туда, но не «откачали»...

Я сдал карты вызовов.

По дороге домой я так и не мог найти более или менее близкое объяснение ни этому трагичному случаю, ни своему сомнению, ни голосу, который мне шептал: «отвези! отвези! отвези!...». Да и до сих пор не могу найти объяснения.

Вот так бывает, что если не видишь патологии, то это

не значит, что ее нет. Иногда и к чувствам прислушаться не мешает.

«Проходите собака не кусается!»

Один из классиков сказал: «Чем больше узнаю людей, тем больше нравятся собаки».

Тема домашних животных – это особая профессиональная вредность работников скорой помощи. Особенно, если есть на вызове в квартире собаки.

Ничего против собак не имею, и даже с уважением отношусь к ним, но хотелось бы рассказать несколько историй, случившихся со мной во время работы на скорой.

Первый случай.

Приехали на вызов. Открывается дверь в квартиру, из квартиры в нос бьет характерный собачий запах. Не сильно, но я чувствую.

– Здравствуйте! Скорую вызывали? – спрашиваю, не заходя в квартиру и, на всякий случай, выставляю вперед медицинский чемодан, прикрывая область паха.

– Да. Здравствуйте. Проходите – ответила девушка, открывшая дверь – У нас бабушка заболела, мы к ней вызывали.

– Собаку закрыли? -спросил я.

– Да.

Ну ладно, прохожу в квартиру, бабушка лежит в зале. Честно не помню, что там с ней было. Может давление или головокружение, может быть изжога. Но когда я наклонился

с фонендоскопом чтоб ее послушать, то из-под кровати прозвучало резкое и звонкое: «ТЯВ!» и мне в штанину вцепилась мелкая пушистая собачка. Она рычала и не отцеплялась от штанины. Естественно мне сразу же стало не до бабушки с ее давлением, а как бы меня тут не сожрали. Ни за хрен, как говорится, собачий.

– Я же спрашивал: «Собаку закрыли?» – с раздражением спросил я.

– Жужа! Нельзя! Жужа! Фу! – восклицала девушка и пыталась отцепить собаку от меня. Я тряс ногой, пытаюсь стряхнуть Жужу. Но Жужа мертвой хваткой вцепилась в штанину и только рычала сквозь стиснутые зубы. Наконец, девушке удалось оторвать собаку от моей штанины, за что собака, резко повернув голову, укусила девушку за руку. Девушка вскрикнула, выпустила из рук собаку, которая тут же скрылась под кровать и издавала там злобное рычание, изредка срываясь на лай. Укушенная рука закровоточила.

Теперь мне стало не до бабушки и собственной штанины «скорпомощного» комбинезона. Надо было оказывать помощь девушке, везти её в травмпункт и тому подобное. А еще, мне дико захотелось огнеметом обработать всё под кроватью. Вот прямо в пепел.

Вот так, приехал на вызов, а больных оказалось трое. Бабушка, внучка и всю голову больная Жужа. («Внучка за бабку, Жучка за внучку»)

Второй случай

Вызов был тоже в квартиру. Лай был слышен еще в подъезде. Причем лай такой серьезный, явно не пекинес или «Ни-хуахуа». Открывает дверь женщина. В прихожей, к дверной ручке привязан Стаффордширский терьер и, срываясь в хрип и брызгая слюной, просто рвётся в нашу сторону, с явно негативными намерениями.

Я автоматически прикрыл пах чемоданом.

– Здравствуйте. Скорую вызывали? – как обычно спросил я.

– Да. Проходите.

– Только собаку уберите, пожалуйста?

– Не бойтесь. Стаффик не кусается, – ответила женщина, увидев мое замешательство.

– Вы знаете, я вот больше поверю в то, что пчелы не делают мёд, коровы не дают молока, а Дирол без ксилита (реклама из 90-х), чем в то, что «Стаффег нукусаицца» – Попытался пошутить я, передразнивая женщину.

Она же, не поняв шутки, посмотрела на меня вопросительно, как бы требуя объяснения моему неадекватному поведению.

Пёс уже отрывал когтями линолеум в прихожей, поводок натягивался как струна. Ошейник стягивал шкуру с морды собаки, делая морду еще более лютой и свирепой.

– ХАФФХАФ-Ф-Ф... ФФФ-ХАФФФ... – хрипел пес.

– Я не зайду пока вы не уберете собаку. Уберите. Пожалуйста. Собаку, – произнес я по словам уже серьезно.

– Я Вам говорю, он не кусается! Ещё никого ни разу не укусил...

– Я не хочу быть первым, кого он укусит, – снова попытался пошутить я. – Это ведь животное. Как Вы можете знать, что у него там в голове?

Женщина развернулась и пошла закрывать собаку в ванную комнату. Я предусмотрительно закрыл дверь, оставшись на лестничной площадке и посмотрел на помощницу Лиду. Лида стояла белая как известь и глаза такие большие-большие:

– Д-и-иим...? Ты видел какие зубы у этого монстра? – только и смогла вымолвить она.

Женщина закрыла Стаффа в ванной, и мы прошли в квартиру. В ванной происходил дикий трэш. Все падало, разбивалось и гремело. Как будто толпа пьяных строителей-гастарбайтеров деревянными палками ломали дом, при этом перекрикиваясь на своем языке.

Что там было на вызове, я не помню, зато помню глаза Лиды. Они были большие и полные ужаса. Она не мигая смотрела в сторону двери ванной комнаты, боясь, что дверь вышибет набок от сильного удара изнутри.

Поэтому, пользуясь случаем, обращаюсь ко всем: Вызывая скорую, позаботьтесь, пожалуйста, убрать куда-нибудь своих питомцев, особенно недружелюбных.

Вызов на психического больного

Этот случай мне рассказал психиатр с нашей подстанции Константин Иванович или просто Костя. Не знаю правда это или байка, но случай курьезный.

Далее с его слов.

Дежурили мы как-то после ноябрьских праздников. Едем из психушки, кого-то отвозили на госпитализацию, и тут нам по рации дают вызов:

– Пятьсот вторая. Для вас будет Улица Крупноракетовозная 23а-88. Без милиции не заходите. Мужчина. 40 лет. Неадекватное поведение. Вооружен ножом, – сообщила нам диспетчер.

– Приняли пятьсот вторая. 23—88, – ответил я.

И поехали мы на улицу Крупноракетовозную. Подъезжаем, милиции во дворе нет. Поднимаемся на этаж. Квартира 88. Прислушались. Тишина, только слышно, что за дверью какая-то возня происходит. Криков, призывов о помощи нет.

Ну и ладно. Что мы ментов что ли ждать будем? Действуем по старой схеме: один звонит в дверь, остальные за углом подстраховывают. Если откроет псих, то его тут же просто ломаем, связываем и везем в «дурку», по дороге разберемся...

Позвонили. Дверь открыл мужик с ножом в руках.

Мужику тут же прилетело в лицо. Он упал. Два фельдше-

ра по 120 кг каждый и под два метра ростом просто скрутили его тут же в прихожей, отпнув подальше нож.

Связали руки за спиной, вынесли его на лестничную площадку. Захлопнули дверь и повезли в психбольницу. Мужик орёт благим матом, что он нормальный, что его перепутали с кем-то, вертится, вопросы задаёт. Типа куда мы его везем, и все такое. А нам-то что? В первый раз что ли буйных возить? Едем себе, едем. Вдруг нам по рации диспетчер говорит:

– Пятьсот вторая! Поторопитесь на вызов. Вас милиция ожидает!

А я такой:

– Да мы его уже в психушку везем! Всё нормально. Психоз у человека. А диспетчер нам: «Кого и куда вы везёте? Там его милиция скрутила. Ждут вас на адресе...».

Тут я начинаю соображать, что происходит что-то непонятное, и говорю: «Мы забрали мужчину в психозе. Он был вооружен ножом. С адреса Крупноракетовозная 23—88...»

Диспетчер: «У вас Крупноракетовозная 23А-88. Дом 23 с буквой А, «Алёша»...»

Понял... 23, А..., 88, – ответил я по рации.

...

Не убирая микрофона ото рта, поворачиваю голову на мужика. Один глаз его заплыл от гематомы. Во взгляде второго глаза была мольба:

– Я свинину купил. Половину туши. Специально в дерев-

ню ездил к теще. На ноябрьские праздники обычно все скотину колют в деревнях... Морозы же устанавливаются, хранить мясо проще... Холодильников не надо. А я в городе живу. Мне только в морозильнике можно хранить. Вот я и собрался её разделать, чтоб в морозилку влезло. Нож только наточил... А тут вы мне в дверь позвонили...

Чем дальше он говорил, тем стыднее мне становилось. Только тут я обратил внимание, что на мужика надет кухонный фартук.

Когда мы привели его в квартиру, я только и смог выдать из себя: «Мужик! Извини. Работа такая... Адресом ошиблись... Извини...».

Вот такие курьезы бывают в работе скорой медицинской помощи.

Как я поднялся по социальной лестнице от алкоголика до доктора

Прошло два года моей работы в городе на скорой помощи. В декабре пришлось работать на 1,75 ставки. Такой график выглядит примерно так:

Заступаешь на сутки. После суток спишь до вечера, вечером заступаешь в ночь с 17.00 до 8.00 После ночи сутки отдыхаешь. И после суток отдыха снова заступаешь на сутки.

И так по кругу: сутки-> спишь -> ночь -> спишь -> сутки...

Через три месяца такого графика началось лютое недомогание, особенно после дежурства. Сон не приносил облегчения, головные боли не прекращались.

Приходя с суток или ночи, я просто падал спать. Даже не принимал душ и не ел. Просто скидывал одежду с себя и падал на диван. Просыпался разбитым-разбитым около 15.00. Ел, мылся и ехал в ночь работать.

Мы с женой снимали квартиру-однушку в одноподъездной девятиэтажке. В кармане нашего этажа находилось четыре квартиры. В одной из них жила бабушка с внучкой. Внучке было лет 6—7 на вид.

Очень часто, когда я, пошатываясь после смены «на автопилоте», заходил в карман, бабушка с внучкой выходили

мне на встречу. В садик или школу.

Иду после суток. Меня шатает, глаза красные, веки прикрыты. Бабушка с внучкой взимаются в стену и с боязнь в глазах смотрят на меня.

– Здравствуйте, – говорю я им.

Тишина в ответ.

«Странные они какие-то, – подумал я, – да и пофиг. Сейчас спать лягу!»

И так было несколько раз.

В то дежурство мы возвращались вечером с вызова на подстанцию и ехали мимо моего дома.

Звоню жене.

– Привет! А я мимо дома сейчас проезжать буду. Можешь мне в окно помахать! – сказал я в трубку.

– Привет! А я беляшей нажарила Заскочи, возьми несколько штук, водителя и напарника угостишь.

– Ооо! Это же мечта любого фельдшера (вкусно пожрать)! Дядь Серёж! Давай за беляшами зарулим? А то, так покакать хочется, а нечем – тут же говорю водителю.

– О! Давай! – ответил дядя Серёжа и мы подъехали к моему подъезду.

Забегаю на шестой этаж, захожу в карман, а там бабушка-соседка в коридоре что-то делает.

– Здравствуйте! – говорю я ей. Она, видя на мне «скоровскую робу», смотрит на меня с недоумением. Я захожу в квартиру, беру беляши, целую жену. Выхожу. Бабушка

также смотрит на меня.

– До свидания!

Сел в машину.

« – Нам вызов дали», – сказал водитель и мы поехали.

Ночью снова не удалось сомкнуть глаз: ДТП, пожар, давление, рвота, сердце, роды и тому подобное.

Утро. Захожу в подъезд. Шатает. Ноги подкашиваются. Бабушка с внучкой идут навстречу мне.

– Здравствуйте! – Говорит мне соседка. – Так вы, что ли, доктор?

– Здравствуйте. Да. – Отвечаю я.

– Вы простите пожалуйста, но я думала, что вы... АЛКО-ГОЛИК... – сконфуженно сказала она.

– Не извиняйтесь. Ничего страшного. – Безразлично ответил я, предвкушая, что сейчас упаду спать. На тот момент мне большего не надо было.

Вот такая вот история. Как я из «алкоголика» поднялся по социальной лестнице до доктора.

Вызов на повешение

Как вы уже догадались из названия, история предстоит очень печальная, поэтому слабонервным не рекомендую читать дальше.

Вызов поступил около 02.00 ночи. Повод такой и был: «Повешение...».

В помощниках у меня был Артём. Высокий и добродушный студент из медучилища. Приехали на адрес. Дверь открыла девушка. Плачет тихо, без истерики. Всхлипывает. Заходим в квартиру.

Когда приезжаю на смерть, то никогда не здороваюсь. Вот не могу я себя заставить пожелать здоровья в такой неподходящий момент. Звучит как издевательство. Типа: «у вас покойный, поэтому, всем остальным желаю здравствовать!» Возможно, что это моё предубеждение или неправильное видение ситуации, но вот так.

Поэтому я, посмотрев ей в глаза, спросил, как у старой знакомой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.